

11

115
1116

7115
1116

ПОЊЗДКА ВЪ КРОНШТАДТЪ
КЪ О. ІОАННУ.

Священникъ Іоаннъ Поповъ.

2-е изданіе Вознесенскаго церков-
но-приходскаго Братства, въ г. Вла-
дикавказъ.

10 к.

ВЫРУЧКА—ВЪ ПОЛЬЗУ БРАТСТВА.

ВОРОНЕЖЪ.

Товарищество „Печатня С. П. Яковлева“, Средне-Моск. ул., д. Товарищества.

1901 г.

У 115
1116

ПОѢЗДКА ВЪ КРОНШТАДТЪ КЪ О. ІОАННУ.

Священникъ Іоаннъ Поповъ.

*2-е изданіе Вознесенскаго церков-
но-приходскаго Братства, въ г. Вла-
диавказъ.*

10 к.

Выручка—въ пользу Братства.

В О Р О Н Е Ж Ъ.

Товарищество „Печатня С. П. Яковлева“. Средне-Моск. ул., д. Товарищества.

1901 г.

№. 1045.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва, Апрѣля 30-го дня 1901 года.

Цензоръ, Протоіерей *Александръ Смирновъ*.

2007056316

Какъ хорошо чувствуешь себя, когда обновись духомъ... И если бы не житейская расчетливость, а иногда и прямая нужда, слѣдовало бы каждый годъ совершать паломничество, хотя бы къ ближайшей святынѣ.

Въ иномъ мірѣ душа моя витала и блаженствовала неизреченно, неизъяснимо чудесно... Какое назидательное впечатлѣніе производятъ на душу, — особенно на душу предпочистившуюся исповѣдію, — отправление Богослуженія „по чину“ и виѣшнее благолѣпіе храма Божія!...

Такого неземного счастья удостоиваетъ Господь паломника. Благодареніе Богу! Былъ и я паломникомъ. Былъ счастливъ я: за небольшое матеріальное лишеніе получилъ отъ Господа богатство духовное.

Имѣ-то и хочу я подѣлиться съ читателями.

1892 года, генваря 21 (вечеръ), 22, 23 и 24 (утро) я былъ въ Кронштадтѣ, у о. Іоанна. Всѣмъ извѣстно его имя, его дѣянія. Много немъ писано. Но думаю, что и мои простоизложенныя строки не будутъ лишены хотя не большой доли назидательности и интереса. Дѣлаю выписки изъ дневника, какой я вѣлъ во время поѣздки въ Кронштадтъ.

Переночевавши въ Петербургѣ, спѣшу въ Кронштадтъ. За 33 коп. доѣхалъ по желѣзной дорогѣ до Ораніенбаума; здѣсь за 40 коп. нанялъ извозчика. Что за торжественный поѣздъ былъ до Кронштадта по морю! Дорога по льду ровная и прямая, со столбами, съ будками и по этой линіи гуськомъ, отъ самаго Ораніенбаума и до Кронштадта, на протяженіи восьми верстъ, почти непрерывно вытянулись подводы извозчиковъ съ пассажирами: ѣдутъ въ одну лошадь, ѣдутъ парюю, тройкою, сани всевозможныхъ сортовъ, равно какъ и сами извозчики — русскіе, чухонцы, какъ и самыя лошади — русской и чухонской породы. Сотни подводъ ѣдутъ въ Кронштадтъ, обгоняютъ другъ друга и всѣ „къ батюшкѣ“.

Бдутъ изрѣдка и обратно: вотъ летитъ рѣзвая пара лошадокъ съ санками, а въ нихъ сидятъ какой то военный и рядомъ съ нимъ женщина, платочкомъ послѣдняя закрыла лицо: „вѣрно плачетъ“, подумалось мнѣ. Чѣмъ ближе подъѣзжалъ я къ Кронштадту, тѣмъ болѣе и болѣе какое-то радостное чувство охватывало меня. Вотъ и Кронштадтъ: поверхность суши, на какой расположенъ городъ, почти равна съ поверхностью моря; видны цѣлый лѣсъ мачтъ зимующихъ судовъ и трубы фабрикъ.

При самомъ въѣздѣ въ городъ встрѣчаютъ гостей услужливыя хозяйки квартиръ, „къ намъ, къ намъ пожалуйте: у насъ батюшка бываетъ каждый день“, даже извозчикъ предлагаетъ подобнаго же рода услугу, но я, запасшись раньше адресомъ покойной квартиры, строго приказываю извозчику везти меня на Андреевскую улицу, въ квартиру противъ воротъ о. Іоанна. Вотъ и соборъ Андреевскій... Слава Богу! Вотъ и домъ о. Іоанна! Какое счастье—видѣть воочію то, о чемъ такъ много читалъ!... Величіе духовное скромно обставлено внѣшне. Вотъ ворота во дворъ, гдѣ надпись гласитъ: „Церковный домъ Андреевскаго собора“; по обѣ стороны воротъ—нѣчто въ родѣ большого палисадника за высокой деревянной рѣшеткой; во дворѣ виднѣн двухъ-этажный домъ каменный съ желѣзной крышей и въ немъ-то, на второмъ этажѣ, въ нѣсколькихъ комнатахъ, живетъ „онъ“, интересующій тысячи христіанъ, о. Іоаннъ.

Вхожу въ квартиру: хозяйка радушно встрѣчаетъ и предлагаетъ за недорогою цѣною комнатку. Осматриваю новое временное жилище. Въ разговорѣ о „дорогомъ батюшкѣ“: во всѣхъ комнатахъ, кромѣ иконъ съ горящими лампадами, висятъ на стѣнахъ, въ хорошихъ рамкахъ, большіе портреты о. Іоанна съ собственноручными его надписями; на столахъ, подѣ иконами,—фарфоровыя вазы съ водою—для водосвятнаго молебствія. Пріѣзжіе прибываютъ и размѣщаются кто въ общей комнатѣ, кто—въ особыхъ. Характеръ совместной жизни пріѣзжихъ между собою чистѣйшій семейный, даже съ религіозно-набожнымъ оттѣнкомъ: всѣ объединяются одною мыслію, однимъ желаніемъ скорѣе видѣть „дорогого батюшку“, помолиться, побесѣдовать съ нимъ... Около четырехъ часовъ вечера. Пора къ вечернѣ. Идемъ въ соборъ; около полуверсты до него отъ нашей квартиры и дома о. Іоанна; и припомнилъ я читанное въ біографіи о. Іоанна

то онъ не можетъ пройти эту полу-версту, а непременно нужно ѣхать, чтобы не задерживала толпа. Подхожу къ собору: на оградѣ его развѣшана такъ называемая „уличная“ бібліотека: въ рамкахъ, за стекломъ, по одну сторону собора развѣшаны „Троицкіе листки“, а по другую—свѣдѣнія объ „Обществѣ спасенія на водахъ“.

Вхожу въ соборъ: чистенькій, просторный, свѣтлый, трехъ-престольный. Началась вечерня; на клиросѣ были чтецъ и три-четыре человѣка гѣвцовъ; о. Іоанна нѣтъ: въ Петербургъ уѣхалъ.

Послѣ вечерни возвращаюсь въ квартиру. Около 6 часовъ вечера хозяинъ сообщаетъ: „не угодно-ли кому на акафистъ?“ Я поинтересовался узнать болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ; оказывается: читаются акафисты въ домѣ купца Быкова, читаетъ ихъ, „господинъ“ (не духовная особа). „Идемъ на акафистъ“; желающихъ послушать его нашлось въ нашей квартирѣ не мало.

Входимъ въ домъ купца Быкова. Нашему взору представляется нѣчто въ родѣ часовни: большая моленная комната, впереди—множество въ рядъ коней, какъ иконостасъ въ церкви, со множествомъ горящихъ лампадъ и свѣчей. Народу уже было много и всѣ что-то пѣли. Протискиваюсь черезъ толпу впередъ, къ рѣшеткѣ; вижу „господина“—старичка, который, какъ послѣ оказалось, есть не хозяинъ дома, а просто чтецъ „съ благословенія батюшки“. Стою вслушиваясь: поютъ „благослови, душе моя, Господа“, „Блаженъ мужъ“, „Господи воззвахъ“, „Свѣте тихій“, „Сподоби Господи“. Обращается затѣмъ чтецъ къ толпѣ и сообщаетъ: „вотъ только что получена изъ Москвы книжечка „Моя жизнь во Христѣ“—извлеченія изъ дневника нашего батюшки о. Іоанна; прочтемъ изъ нея“. И прочиталъ нѣсколько предисловіе и нѣсколько страницъ названной книги. Было чтеніе и акафиста Пресв. Троицѣ, при чемъ всѣ присутствующіе пѣли „Святъ, святъ... и „аллилуя“. Читалъ и я акафистъ св. Митрофану. Однимъ словомъ, это времяпрепровожденіе напомнило мнѣ наши деревенскія вѣщобогослужебныя собесѣдованія и очень понравилось.

Этимъ и закончился 1-й день, или вѣрнѣе,—первый вечеръ моего пребыванія въ Кронштадтѣ.

„Онъ весь въ Богѣ и видимо угоденъ Богу!“ вотъ общее выраженіе того восторженнаго чувства, которое охватываетъ всякаго, кто имѣетъ счастье быть близко, около о. Іоанна Кронштадтскаго.

Слава Богу, что удостоилъ Господь и меня-грѣшника быть окрестникомъ досточтимаго „батюшки“, видѣть его, слушать его и даже быть его молитвенникомъ. Я былъ настолько счастливъ, что о. Іоаннъ былъ не только дома, но и его седмица служенія была, тогда какъ въ другую седмицу онъ могъ бы служить литургію, напр. въ Петербургѣ. Начну-а описывать по порядку.

Воставши отъ сна, прочитавши правило къ причащенію св. Таинствъ въ 5½ часовъ утра иду въ соборъ. Нищіе уже спуютъ по улицѣ. Вхожу въ соборъ: еще пустъ и темень онъ; только у ктиторскаго ящика—освѣщеніе и люди. Народъ прибываетъ и спѣшитъ занять мѣсто ближе къ рѣшеткѣ, у солен. Только что успѣлъ я освѣδοчиться у псаломщика, можно-ли будетъ и мнѣ служить литургію вмѣстѣ съ о. Іоанномъ, узналъ, что этимъ о. Іоаннъ бываетъ доволенъ, только что успѣлъ снять съ себя верхнее теплое платье и стать у боковыхъ сѣверныхъ дверей алтаря, какъ вижу: еще въ полумракѣ, какъ тѣнь, промелькнула духовная особа въ холодной (лѣтней) ряскѣ небольшого роста, и прямо къ престолу, упавъ ницъ, остановилась на нѣсколько мгновеній въ молитвенно-недвижимомъ коленнопреклоненномъ положеніи, приложила къ престолу, также быстро прошла къ жертвеннику... Это онъ, о. Іоаннъ! догадывался я, и не ошибся. Въ алтарь пробрались уже какія-то свѣтскія интеллигентныя лица, которые черезъ псаломщиковъ возложили на жертвенникъ записочки поминальныя. О. Іоаннъ поспѣшно просмотрѣлъ записочки; замѣтивъ въ алтарѣ присутствіе не знакомыхъ личностей, подошелъ къ нимъ, на нѣсколько секундъ остановился, благословилъ ихъ и выслушалъ просьбы. Подошелъ о. Іоаннъ и ко мнѣ, поздоровались обычно, за руку, распростившись, откуда и кто я, причемъ я испросилъ позволенія принять участіе въ богослуженіи.

Между тѣмъ утрени, въ боковомъ придѣлѣ, началъ другой священникъ. Въ алтарь прибываютъ новыя и новыя лица, которые и стараются на каждомъ шагу, на всякомъ мѣстѣ уловить, остановить о. Іоанна, въ сказати ему свои просьбы... Когда замѣчаетъ о. Іоаннъ, что слишкомъ

уже много суеты въ алтарѣ, то, вѣроятно, боясь разсѣяться мыслию и отвлечься вниманіемъ отъ внутренней молитвы, онъ быстро идетъ, уже какъ бы не обращая вниманія ни на кого, въ третій предѣльный алтарь, гдѣ нѣтъ службы, скрывается тамъ и припадши ницъ предъ престоломъ, или облокотившись на жертвенникъ, нѣсколько минутъ горячо внутренно молится; снова возвращается въ главный алтарь и снова—докукливая просьбы съ разныхъ сторонъ.

Пока я вычиталъ свѣтильничныя молитвы, слышу на клиросѣ уже начинается канонъ, пропѣли ирмосъ и кто-то читаетъ такъ необычно—оригинально. „Это онъ“, подумалъ я, замѣтивши отсутствіе о. Іоанна въ алтарѣ, и перешелъ къ южнымъ дверямъ. Позиція самая удобная: вижу лицо о. Іоанна и слышу его чтеніе...

И что-же? Ъхаль я за полуторы тысячи верстъ сюда, что-бы чему нибудь поучиться у о. Іоанна, а вотъ и чтеніе его—неподражаемое чтеніе! (А подражать всетаки многому у о. Іоанна можно и должно). Читаетъ о. Іоаннъ—именно какъ бесѣдуетъ, разговариваетъ съ Богомъ, Богородицею и святыми. Голосъ—второй теноръ—чистый, звучный; произношеніе—членораздѣльное, отчетливое, отрывистое; одно слово скажетъ. Іоаннъ скороговоркою, другое протяжно, чуть не по слогамъ разобьетъ его; при этомъ все существо о. Іоанна настолько проникается мыслями, какія содержатся въ чтеніи, что онъ не можетъ удержаться отъ жестовъ самыхъ выразительныхъ; не спокоенъ онъ: то какъ бы блаженная улыбка играетъ на устахъ его при чтеніи, напр., о небесной Славы Бога, Богородицы и святыхъ Божіихъ, то какъ бы праведный гнѣвъ срывается изъ устъ его, особенно при чтеніи словъ „сатана“, „діаволь“, то надвигается о. Іоаннъ главою своею къ самой книгѣ; то потрясаетъ ею какъ величаво, такъ чудно торжественно; то, наконецъ, во время пѣнія ирмоса или эктеніи, о. Іоаннъ, если не подпѣваетъ самъ съ пѣвцами, предвзвѣваетъ одно или оба колѣна тутъ-же на клиросѣ, закроетъ лицо руками и умильно молится—молится, горячо молится.—Это-то горячая молитва и есть вина только что описанныхъ жестовъ о. Іоанна и ничуть не свидѣльствуютъ они о какомъ-то болѣзненно-нервномъ состояніи о. Іоанна, такъ ошибочно писали гдѣ-то.

По шестой пѣсни и эктениі, о. Іоаннъ восклицаетъ: „кондакъ“ читаетъ его. Кончивъ чтеніе канона, быстро входитъ о. Іоаннъ въ алтарь и падаетъ предъ престоломъ; укрѣпивъ себя молитвою, идетъ снова на клиросъ и читаетъ „стихиры на стиховнѣ“.

На первомъ часѣ мы, шесть священниковъ, во главѣ съ о. Іоанномъ, вышли изъ алтаря, совершили „входныя молитвы“ и начали облачаться. О. Іоаннъ скорѣе всѣхъ облачился и приступилъ къ совершенію проскомидіи. Имена на запискахъ читали всѣ мы, часть ихъ прочитываетъ и самъ о. Іоаннъ, а чаще того, вынимая изъ просфоръ частицы, онъ молится вслухъ: „помяни, Господи, принесшихъ и ихъ-же ради принесяша . . помяни всѣхъ по-имянно, ихъ же имена Ты Самъ вѣси“. Цѣлыя корзины просфоръ были снесены въ предѣльный алтарь и тамъ а священника вынимали частицы.

Началась ранняя обѣдня.

Въ камилавкѣ, съ сіяющимъ крестомъ и цѣпью на груди, съ лавромъ румянцемъ отъ внутренней теплой молитвы на лицѣ предстоящаго нашъ настоятель и крѣпкій молитвенникъ. . . Вотъ онъ вдругъ, неожиданно порывисто беретъ св. напрестольный крестъ и съ любовью цѣлуетъ, и вѣрнѣе—именно лобызаетъ его: обниметъ его обѣими руками, глядитъ на него такъ умиленно, уста шепчутъ молитву, раза три четыре облобызаетъ и щекой и челомъ своимъ прильнетъ къ нему! . . . При возгласѣ „Господи“ на литургіи у о. Іоанна та же интонація голоса, какъ и при чтеніи канона на утрени, хотя нѣкоторые возгласы произноситъ онъ и притяжно, но съ такимъ усиліемъ голоса, съ такимъ умиленнымъ взоромъ очей на горнѣ мѣсто, или вовсе зажмурившись и углубившись въ себя, что стоять въ эти минуты около него равнодушно нельзя. Во время литургіи о. Іоаннъ не только внутренне, но и внѣшне покоенъ; вниманіе его всецѣло сосредоточено на имѣющихъ быть вскорѣ на престолѣ Тайнахъ Христовыхъ и тѣло его какъ бы приковано къ престолу. Духовникъ о. Іоаннъ почти не касается; всѣ молитвы прочитываетъ и поголоса на память. Чѣмъ ближе подходятъ минуты пресуществленія, св. Даровъ, тѣмъ болѣе и болѣе возвышенное настроеніе души отражается въ голосѣ и лицѣ о. Іоанна.

Вотъ послѣ Херувимской пѣсни о. Іоаннъ скоро окончили положенію въ служебникѣ молитву, облокотился о престолъ, объялъ лицо свое руками, челомъ своимъ прильнулъ къ покрову, сокрывшему въ себѣ имѣющія вкорѣ приложиться св. Дары: о. Іоаннъ сокрылся отъ любопытныхъ взоровъ людскихъ, онъ какъ бы застылъ въ этомъ положеніи, а душа горитъ огнемъ молитвеннымъ... Дивное мгновеніе! незабвенная картина! И это для насъ, окружающихъ престолъ, а что же чувствовала его душа? Именно горѣ—къ небу возносилась она!

Вотъ о. Іоаннъ воспрянулъ, какъ бы очнулся, и снова уста его выражаютъ молитву сердца.

„Горѣ имѣемъ сердца!“ восклицаетъ о. Іоаннъ, обратившись къ царскимъ вратамъ и къ народу, возведши руки горѣ и тотчасъ же ихъ пускаетъ: какъ крыльями хочетъ взлетѣть и тѣло его туда, гдѣ витаетъ духъ его...

„Благодаримъ Господа! Достойно и праведно есть поклоняться“... снова восклицаетъ о. Іоаннъ—первые слова громче, а послѣднія—тише начинается молитву. „Пріимите, ядите, сіе есть Тѣло Мое“, дѣлаетъ о. Іоаннъ особенное удареніе и повышеніе голоса на словѣ „Тѣло“ и какъ торжественно при этомъ указывая перстомъ. При возгласѣ „Твоя чаша Твоихъ“, особенное удареніе голосомъ сдѣлалъ о. Іоаннъ на словѣ „о всѣхъ“: чувствуетъ душа его тяготу бремени, какое возлагаютъ на него всѣ просящіе молитвъ его, и вотъ онъ самъ проситъ у Бога одкрѣпленія немощной плоти своей.

„Преложивъ Духомъ Твоимъ Святымъ! Аминь“! искренно-вѣрующимъ тономъ возглашаетъ о. Іоаннъ и, какъ бы для большаго увѣренія предстоящихъ въ алтарѣ, дополняетъ: „Богъ явился во плоти“!... и еще что-то шептали уста его, но я уловилъ слухомъ своимъ выраженіе: „окружаемый ангельскими воинствами“!... Но и безъ словъ, по всѣмъ чертамъ лица о. Іоанна ясно видно, что онъ всецѣло занятъ св. Тайнами, это—излюбленная тема его молитвенныхъ размышленій и въ дневникѣ. Между прочимъ это благоговѣніе къ св. Тайнамъ проявляетъ о. Іоаннъ и въ томъ еще, что неисчетное число разъ неспѣшно, безъ предзнаменія, преклоняетъ о. Іоаннъ голову свою предъ великими

Тайнами въ глубинѣ своего искреннѣйшаго смиренія... О, не напрасно я чаще всего упоминаю объ искренности въ молитвѣ о. Іоанна...

Жалко, обидно вспомнить, что есть люди невѣрующіе этой искренности! Они сами никогда не испытывали, что значить искренняя горячая молитва, — не хотятъ ее видѣть и въ другихъ. А между тѣмъ тутъ ли мѣсто подозрѣнію? Полнѣйшее безкорыстіе и нелицепріятіе — вотъ вѣрнѣйшее ручательство того, что о. Іоаннъ, его жизнь, его молитва „поразительнѣйшее знаменіе времени“, какъ выразился покойный Высокопреосвященный Никаноръ, Архіепископъ Херсонскій. Тутъ-ли мѣсто какому-то притворству дивнаго пастыря? Опомнитесь, кошунники!... Подумайте о себѣ: не уподобляетесь-ли вы отчасти тѣмъ современникамъ Спасителя, которые и Его—Спасителя—Святѣйшую Истину—называли „вельзевулъ“? Подобаешь и тутъ соблазнамъ быть, но горѣ тѣмъ, имъ же соблазнъ приходитъ!...

Вотъ пріобщился о. Іоаннъ Тѣла и потомъ Крови Христовыхъ и ставши вдали отъ престола, пока подходили причащаться мы, снова молится о. Іоаннъ,—умиленные взоры очей то возведетъ горѣ, то опуститъ долу... Приступилъ о. Іоаннъ къ раздробленію частей Агнца для пріобщенія мірянъ; и тутъ, хотя въ служебникѣ не положено никакихъ молитвъ, но, что-бы при такомъ святомъ дѣлѣ, сохрани-Богъ, не смутили душу праздыя мысли, о. Іоаннъ снова шепчетъ молитву и до моего слуха доносились отрывочныя выраженія изъ канона Симеона Логоета „на распятіе Господне и плачь пресвятыя Богородицы“.

Литургія кончилась. О. Іоаннъ, не разоблачаясь, быстро идетъ къ столику около жертвенника, собираетъ жертвы—рублевые и большія крупныя бумажки, поспѣшно и небрежно кладетъ ихъ въ карманъ, чрезъ южныя двери спѣшитъ на клиросъ и здѣсь одѣляетъ чтецовъ и пѣвцовъ, послѣдніе—особенно мальчики—спѣшать цѣловать руку благодѣтеля. А въ боковыхъ алтарныхъ дверяхъ уже ожидаютъ новые просители благословенія и молитвенной помощи: замѣтивши ихъ, о. Іоаннъ быстро проходитъ царскими вратами и, помолившись предъ престоломъ, затѣмъ уже выслушавъ на скоро просьбы лицъ, стоящихъ въ алтарѣ, выйдя для того же и на солею, въ разные концы ея, начинается молебенъ.

Молебень о. Іоаннъ совершаетъ по-скору и однако молитва его плодотворна. Въ этомъ именно мѣстѣ не лишнимъ я считаю привести выдержку изъ дневника о. Іоанна о молитвѣ: „можно-ли молиться съ поспѣшностью, не вредя своей молитвѣ? Можно тѣмъ, которые научились внутренней молитвѣ чистымъ сердцемъ... Но не стяжавшимъ сердечной молитвы надо молиться не спѣшно“. И вотъ о. Іоаннъ, какъ уже стяжавшій отъ Бога драгоцѣнный даръ—сердечную-внутреннюю молитву—внѣшнюю обрядовую форму ея выполняетъ поспѣшно. А я занимаюсь часто казуистическими вопросами въ своей настырской практикѣ, преслѣдую букву, а „духъ“ опускаю безъ вниманія. Горѣ мнѣ лѣнливому!

Молебень, совершаемый о. Іоанномъ, былъ безъ акафиста. Евангеліе прочиталъ о. Іоаннъ опять тѣмъ же разговорнымъ тономъ и, кончивши это чтеніе, съ искреннимъ чувствомъ благодарности воскликнулъ: „Слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ!“ Къ Евангелію и кресту почти ничего не допустилъ.

Теперь кто свободенъ, можетъ уходить изъ храма Божія, а о. Іоаннъ остается самъ съ своими „друзьями“, „дѣтьми“. Вниманіе! Начинается общая исповѣдь—одно изъ потрясающихъ явленій въ Кронштадтскомъ нравственномъ мірѣ. Я, разоблачившись, сталъ на лѣвомъ клиросѣ, гдѣ стояли и нѣкоторые интеллигентныя лица.

Послѣ начального возгласа о. Іоанна, молодой съ сильнымъ голосомъ псаломщикъ читаетъ отчетливо и скоро „послѣдованіе о исповѣданіи“. Выходитъ изъ алтаря на амвонъ въ смиренномъ видѣ, безъ камлавки, о. Іоаннъ... Говоритъ онъ поученіе о покаяніи. Дорого тутъ и то, и другое, и третье; и кто говоритъ, и о чемъ говоритъ, и какъ говорить. Прямо, безъ обычнаго „Во имя Отца, и Сына, и св. Духа“, о. Іоаннъ два раза при мнѣ начиналъ поученіе такъ: „грѣшники и грѣшницы, подобные мнѣ! вы пришли въ храмъ сей чтобы принести Господу Іисусу Христу Спасителю нашему покаяніе во грѣхахъ своихъ“.. Сказавши нѣсколько прочувствованныхъ словъ, о. Іоаннъ заявляетъ: „слушайте... буду читать покаянныя молитвы“.

И—читаетъ!... Неописуемо, невыразимо хорошо читаетъ эти молитвы о. Іоаннъ. „Боже Спасителю нашъ“... взываетъ о. Іоаннъ, умилительно взирая на икону Спасителя, „рабовъ твоихъ с-и-х-ъ“ читаетъ о. Іо-

аннъ эти слова протяжно, разбивая ихъ по слогамъ, обратившись къ народу, и тутъ-то... ахъ! какіе поразительные жесты дѣлаетъ о. Іоаннъ. Всякій разъ при словѣ „сихъ“ или „ихъ“ или всей раскрытой десницею поведетъ надъ главами низу амвона молящихся, или—что еще выразительнѣе, какъ пророкъ грознаго и праведнаго Судіи, указываетъ перстомъ въ толпу, въ ту или другую сторону ея. . Ахъ, какъ это выходитъ трогательно, умирительно и въ то же время страшно, когда вспомнишь невольно свою нравственную нечистоту.

Прочитавши молитву, о. Іоаннъ заявляетъ, что ее нужно „протолковать“, и продолжаетъ опять рѣчь о покаяніи: какъ согрѣшили упомиаемые въ молитвѣ цари Давидъ и Манассія, какъ каялись они и какъ намъ нужно каяться. Поученіе, повидимому, простенькое по выраженіямъ, не хитро—витіеватое по изложенію и однако своеобразное во всемъ: и въ словѣ, и въ изложеніи, и въ самомъ произношеніи. Примѣтилъ я, что съ особенною любовью о. Іоаннъ произноситъ имя Спасителя или св. Троицы и къ этому имени непременно присоединить эпифанета три—четыре съ постепенными повышеніемъ и удареніемъ голоса на каждомъ словѣ. Впрочемъ, можно догадываться, что о. Іоанну при-суща какая-то особенная тайна сильно дѣйствовать на сердца слушателей.

Началь о. Іоаннъ читать вторую молитву и на срединѣ же вставилъ объясненіе, такъ что и самое объясненіе, выраженное церковно-славянскимъ оборотомъ рѣчи, составило какъ бы продолженіе молитвы; и все это произнесено сердечно-задушевно, то въ обращеніи къ иконѣ Спасителя, то къ народу. А въ народѣ давно уже слышались молитвенныя воздыханія, слезы у многихъ на глазахъ, а о. Іоаннъ именно о нихъ то чаще всего и напоминаетъ въ поученіи. Поправилось мнѣ особенно одно выраженіе: „да! у насъ что за покаяніе? .. Всѣ мы только верхушечки, стебельки грѣховъ срываемъ. Нѣтъ! корни—корни грѣховъ нужно вырывать“... И дѣйствительно, своими словами, съ увлеченіемъ сказанными, своими жестами, естественно и такъ выразительно-сдѣланными, о. Іоаннъ довелъ кающуюся тысячную толпу до такого настроенія, что когда, приблизившись еще шага на два по амвону къ толпѣ, въ повелительномъ тонѣ произнесъ онъ: „кайтесь-же! кайтесь!“ и повелъ рукою въ разныя стороны, то по всей церкви поднялся страшный плачъ-рыда-

ніе... Вопить отчаяннымъ голосомъ какая-то женщина: „батюшка! прости дорогой ты нашъ, помолись!“ „Прости меня, Господи, окаяннаго“, слышится еще сильнѣе голосъ съ другого конца... Слезы у всѣхъ льются не удержимо...

Чѣмъ дольше времени, тѣмъ больше слезъ: вотъ и сзади меня и напротивъ, на правомъ клиросѣ, стояли доселѣ, повидимому, равнодушныя, болѣе любопытствующія лица, но вотъ и они преклоняють колѣна и проливають горячія слезы... У меня самого растеплилось сердце черствое—огрубѣлое, скатилась слеза и у меня, слеза покаянная, слеза благодатная, слеза живительная, слеза спасительная! Ахъ, какъ уладительны тѣ слезы покаянныя!... А самъ „батюшка?“ А онъ, высказавши послѣднюю просьбу: „кайтесь-же! кайтесь!“ повторивши ее на амвонѣ и на двухъ концахъ соеи, сталъ на амвонѣ и, не отвращая лица отъ народа, прислушиваясь къ покаянному плачу его,—самъ, посредникъ между небеснымъ Судьею и кающимися грѣшниками, самъ, земной судья совѣстей человѣческихъ, стоитъ недвижимо, поникъ главою и весь погрузился во внутреннюю молитву...

Наконецъ и самъ о. Іоаннъ пролилъ слезы, отеръ ихъ бѣлымъ платочкомъ и—перекрестился въ благодарность Богу за слезы покаянныя—народныя... О, незабвенная картина!... И она была довольно продолжительна никакъ не меньше пяти, а то и всѣхъ десяти минутъ (не до точныхъ исчисленій было).

Духъ сокрушенія о грѣхахъ проникъ во всѣ сердца. Перечисленія грѣховъ, наименованія ихъ я не слышалъ, а, говорятъ, бываетъ иногда. „Тихе—тише, братья“, слышится новая просьба батюшки. Устанавливается тишина, хотя и слышится глухое, затаенное въ глубинѣ стѣсненнаго сердца воздыханіе. „Слу-шай-те! Мнѣ, какъ и всѣмъ священникамъ, Богъ даровалъ власть вязать и разрѣшать грѣхи человѣковъ... Слушай-те, прочитаю молитву разрѣшительную! Наклоните главы свои и накрою васъ епитрахилью и благословлю и получите отъ Господа прощеніе грѣховъ“. Тысячи головъ смиренно преклоняются, читается разрѣшительная молитва, беретъ о. Іоаннъ конецъ своей епитрахили и производитъ по воздуху на всѣ стороны и благословляетъ.

Слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ! Удостоилъ Ты и меня грѣшника испытать блаженное состояніе: слезы, туга сердечная смѣнились неизъ-

яснимою радостью, облегченіемъ на сердцѣ. Да, что ни говорите, какъ ни судите, люди маловѣрующіе, а здѣсь необычное явленіе. Здѣсь-же урокъ мнѣ: напр. Пастырь кронштадскій въ „общей“ исповѣди достигаетъ несравненно большихъ плодовъ, чѣмъ я въ частной исповѣди, хотя бы я не только пять—десять, а и $1\frac{1}{2}$ часа и цѣлый часъ говорилъ бы о покаяніи каждому пришедшему ко мнѣ на исповѣдь грѣшнику. Вотъ осуди, законникъ, общую исповѣдь о. Іоанна: Богъ заступникъ его. Равно какъ нѣтъ здѣсь и поблажки лѣни моей: за мою общую исповѣдь Богъ осудитъ меня. О. Іоаннъ въ исключительныхъ условіяхъ въ этомъ случаѣ.

При такомъ чтеніи молитвъ, при такомъ толкованіи ихъ, а главное при такомъ наглядномъ результатѣ всего этого какой мы уже видѣли, не представляется особенной надобности читать положенное въ требникѣ увѣщаніе „се чадо“..., и оно опускается о. Іоанномъ.

Слышится новое заявленіе батюшки: „теперь слушайте молитвы к причащенію“ и молодой псаломщикъ громко, отчетливо читаетъ ихъ; сам о. Іоаннъ молится предъ престоломъ. Не долго продолжается чтеніе молитвъ: о. Іоаннъ выноситъ большой потиръ, наполненный св. Тайнами. О. діаконъ ставитъ на амвонъ деревянную устойчивую колонку и поддерживаетъ поставленный на нее потиръ. „Друзья! вы будете причащаться. Со страхомъ Божиимъ и вѣрую приступите, Кронштадтскіе сторонитесь, пусть подходятъ прежде пріѣзжіе..., не толпитесь, стойте задніе по своимъ мѣстамъ... Подходите къ чашѣ со скрещенными на груди руками... Причастившись, цѣлуйте край чаши, какъ ребро Господа нашего Іисуса Христа. Послѣ этого не кладите земнаго поклона... Помните, къ чему вы подходите: въ самой малой частицѣ—всецѣло Христосъ“, такое и подобное краткое увѣщаніе дѣлаетъ о. Іоаннъ и начинается причащеніе не менѣе тысячи оплакавшихъ свои грѣхи христіанъ. — Постоявши еще не много, я вышелъ изъ храма Божія. А слѣдовало бы еще и еще постоять: быть можетъ услышалъ бы еще что-либо. Говорятъ, что иному о. Іоаннъ отказываетъ въ причащеніи до времени болѣе искренняго раскаянія; многіе кронштадцы объясняютъ мнѣ это прозорливостью о. Іоанна; вѣрю этому и я.

Слава Богу за все видѣнное и слышанное!

Сейчасъ-же, непосредственно по окончаніи приобщенія мірянъ, не заѣзжая домой, на извозникъ, даромъ предложившемъ свои услуги „батьшкѣ-кормильцу“, о. Іоаннъ отправился служить молебны по квартирамъ, гдѣ есть пріѣзжіе и куда звали хозяева ихъ квартиръ.

И вотъ мы такъ-же ждемъ его посѣщенія. Проходитъ одиннадцатый часъ, проходитъ двѣнадцатый и первый часы въ томительномъ ожиданіи о. Іоанна для молебствія. Все приготовлено для этого: лампадки всѣ зажжены, на столѣ, въ „общей“ комнатѣ, сложены поминальныя записочки, а на тарелочкѣ—жертвы (серебрянныя монеты), даже ваза съ водой открыта...

Вотъ уже и о. Іоаннъ въ сосѣднемъ домѣ... Мы въ тревожно-возбужденномъ ожиданіи... Вдругъ мимо нашихъ оконъ, промчалась пара лошадей съ извозникомъ въ санкахъ... „О. Іоанна увозять! О. Іоаннъ уѣзжаетъ въ Петербургъ!“—пронеслась между нами печальная вѣсть... Меня проситъ хозяйка сопутствовать ей въ сосѣдній домъ съ просьбою къ о. Іоанну посѣтить и насъ. Идемъ. Меня пропускаютъ въ домъ и дверь входную на запоръ, такъ какъ на улицѣ уже собралась толпа, которая окружила санки и напираетъ въ двери дома. Стою я въ выходномъ корридорѣ, прислушиваюсь и наблюдаю: кратко и поспѣшно совершается молебенъ въ комнатѣ одной, потомъ другой; замѣчаю большую суету въ домѣ, особенно самой хозяйки: то быстро подойдетъ она къ выходнымъ дверямъ и прикажетъ, чтобы заперли и никого не пускали въ домъ; въ самомъ домѣ тѣ двери отворить, другія затворить; сами квартиранты чуть не буквально бѣгаютъ изъ одной комнаты въ другую, очевидно, за батюшкою...

Быстро растворяется дверь и о. Іоаннъ быстро идетъ къ выходу; такая-то старушка накидываетъ на него его теплую рясу и не замѣтивъ, какъ моментально онъ надѣлъ ее, на ноги калоши, взявъ шапку и уже очутился совсѣмъ у выходной двери, а тутъ и сани; его преслѣдуетъ толпа, въ коей замѣшался и я; со всѣхъ сторонъ слышатся просьбы: „батьшка! зайдите къ намъ! благословите! болящая! батюшка!“... У выходныхъ дверей, не смотря на все стараніе молодого псаломщика, такъ тиснули о. Іоанна, что онъ не много поморщился, но не сказалъ ни слова; прорвался онъ чрезъ толпу, сѣлъ въ сани; но толпа устремляется

къ саямъ, хватаетъ за рясу; о. Іоаннъ возлагаетъ на всѣ стороны, раз-
даже назадъ подалъ руку и все это такъ быстро, что едва успѣешь услѣ-
дить; просьбы своей я, оттѣсненный толпою, не успѣлъ высказать... Сая-
скоро скрыли о. Іоанна изъ вида толпы... Толпа разсыпалась на двѣ
стороны...

И въ только что описанной обстановкѣ о. Іоаннъ сосредоточенъ въ
внутренней молитвѣ: онъ какъ бы ничего не видитъ и не слышитъ, хотѣ
по временамъ и вслушивается въ содержаніе просьбы, дать краткіе
отвѣтъ и спѣшитъ туда, гдѣ больше всего и скорѣе всего нужна е
молитвенная помощь.

„Этому батюшкѣ и поѣсть некогда! Онъ весь занятъ молитвою
нуждами другихъ. Если бы мы имѣли хотя сотую долю этой самоотвер-
женной любви, любви не къ себѣ, а къ другимъ, то не тянуть о. Іоанн
къ себѣ, а напротивъ до поры до времени уклонять его отъ своихъ до-
кучливыхъ просьбъ должны бы; пусть-де онъ справляется да отдохнетъ
хотя немного, а я подожду. Нѣтъ, намъ хочется въ одинъ день всѣ дѣла
сдѣлать и поскорѣе уѣхать во свояси, а о томъ мало думаемъ, что и
о. Іоанна какъ ни одухотворенное, а все же пока бренное человѣческое
тѣло“, такъ утѣшалъ и укорялъ я себя и своихъ соквартирантовъ
оправдывалъ отъѣздъ о. Іоанна въ Петербургъ.

Закончился день вечернею въ соборѣ и чтеніемъ акафистовъ въ
частномъ домѣ для желающихъ.

Говорятъ мнѣ, уже на сонъ грядущему и вопрошающему объ о. Іоаннѣ,
что онъ пріѣдетъ изъ Петербурга часовъ въ одиннадцать ночи. Вышелъ я въ 10
часовъ ночи на улицу и вижу: толпа нищихъ напoлняла улицу. Хозяйка
поясняетъ мнѣ, что тысячи до полуторы нищихъ Кронштадтскихъ
собираются утромъ, предъ утреней и ночью предъ пріѣздомъ батюшки,
получать милостыню, и батюшка черезъ довѣренное лицо
высылаетъ крупную сумму; это довѣренное лицо мѣняетъ эту сумму
на рублевки и рубль выдается на 20 человѣкъ: утренній пятачекъ идетъ
на пропитаніе, а вечерній на ночлегъ.

Такъ и уснулъ я въ эту ночь съ мыслию: „вотъ истинный благодѣ-
тель для бѣдныхъ и нуждающихся!“

Новый день. Я во второй разъ служилъ литургію вмѣстѣ съ о. Іоанномъ. Сегодня о. Іоаннъ отнесся ко мнѣ настолько внимательно, что, по окончаніи литургіи, далъ просфору и я осмѣлился просить о посѣщеніи имъ квартиры моей; общался быть, чѣмъ и порадовалъ я своихъ оквартирантовъ, и вотъ ждемъ дорогого гостя. Желалось бы принять его съ подобающею ему честью. Сегодня о. Іоаннъ не приобщалъ: чрезъ день онъ приобщаетъ; а потому рано окончилъ дѣла въ церкви, и скоро будетъ къ намъ...

Ахъ, рѣдкое счастье! До доски моей гробовой не изглаждайся изъ сердца моего и памяти моей ты, отрадное впечатлѣніе! Былъ въ квартирѣ о. Іоаннъ, былъ, только что ушелъ плотію своею, но духомъ своимъ еще вотъ-вотъ, здѣсь около меня о. Іоаннъ!

Начну по порядку описаніе сего посѣщенія.

Въ четырехъ—шести саженьяхъ отъ нашей квартиры стоитъ под-ода о. Іоанна... Онъ тамъ! онъ скоро будетъ и здѣсь!... Будетъ, несомнѣнно будетъ... Всѣ мы въ притрепетно-благоговѣйномъ ожиданіи!... Нѣсколько разъ выходилъ и я встрѣчать у порога приближающагося дорогого гостя; выходили и другія лица... Уже толпа около саней собирается, подходитъ и къ нашей квартирѣ... „Бдетъ!“ Спѣшу я на встрѣчу. Входитъ нашъ дорогой гость съ саней; встрѣчаемъ его у входа; немного поддерживаю его подъ руку, ограждая отъ натиска толпы; съ другой стороны тоже дѣлаетъ псаломщикъ. Поднялась суeta въ квартирѣ. Сняли съ батюшки теплую рясу, а онъ молчитъ и только благословляетъ на всѣ стороны. Входитъ о. Іоаннъ въ ближайшую комнату, и двери запираются; меня, впрочемъ, пропускаютъ. Облачается о. Іоаннъ въ епитрахиль и начинаетъ краткое молебствіе: „Благословенъ Богъ нашъ“, а молодой псаломщикъ поспѣшно и отчетливо запѣлъ баритономъ прямо „Богъ Господь“, тропари Спасителю и Божіей Матери, два раза запѣвъ: „Слава Тебѣ, Боже нашъ, Слава Тебѣ“ (вмѣсто „Исусе сладчайшій, спаси насъ“—въ нашемъ краѣ) и „Пресвятая Богородице, спаси насъ“; о. Іоаннъ читаетъ Евангеліе; вскорѣ-же о. Іоаннъ погружаетъ св. крестъ въ воду, псаломщикъ поетъ „Спаси, Господи“ и о. Іоаннъ говоритъ краткую здравную эктенію, на которой съ псаломщикомъ прочитываютъ запи-

сочки; дѣлаетъ отпускъ, кропитъ св. водой молящихся и приготовленные для освѣщенія овощи (яблоки, виноградъ и проч.). Благословенныя освященные овощи, какъ и самая вода, разбираются молящимися и долбятся берегутся ими.

Предупреждая батюшкину поспѣшность, во время самого молебства особенно же предъ концомъ его, раздаются слезныя молебны: „батюшка болящая! благослови!“ Батюшка оборачивается въ разныя стороны и возлагаетъ руку свою, причемъ утѣшаетъ: „надѣйся!... будешь здорова“ что нибудь въ родѣ этого. При переходѣ въ другую комнату выслушиваетъ о. Іоаннъ разныя просьбы и обѣщаетъ исполнить или отклоняетъ ихъ. Особенно поразило меня обстоятельство, бывшее въ „общей“ комнате: нѣкоторые болѣе бѣдныя люди.

Была тутъ крестьянка изъ дальней губерніи, сильно-больная, мужикъ водилъ ее, и она едва передвигала ноги; ходили и они за батюшкою, и смѣя обратиться съ просьбою и всегда оставаясь сзади толпы.. Толпа вдругъ о. Іоаннъ дѣлаетъ крутой поворотъ назадъ, подходитъ прямо къ этой крестьянкѣ и, возложивъ руку свою ей на голову и потомъ на плечи, утѣшилъ ее, а насъ всѣхъ умилилъ словами: „Богъ благословитъ! Богъ благословитъ!... будешь здорова“... На одномъ изъ такихъ переходовъ изъ комнаты въ комнату встрѣчаю и я о. Іоанна и прошу зайти въ мою комнатку!...

Вошелъ онъ и тутъ наединѣ мы побесѣдовали довольно-продолжительно. Много утѣшилъ меня о. Іоаннъ своею бесѣдою!...

Здѣсь, между прочимъ, когда увидѣлся я съ о. Іоанномъ, такъ сказать, лицомъ къ лицу, не лишне сказать о его внѣшности. Глядя бывалъ дома на портретъ о. Іоанна—премю „Русскаго Паломника“, я представлялъ его болѣе или менѣе физически-крупнымъ человѣкомъ; на самомъ-же дѣлѣ, когда я впервые увидѣлъ о. Іоанна въ соборѣ, то онъ казался мнѣ вовсе небольшого роста человѣкомъ; теперь уже присмотрѣвшись,—все же нахожу его человѣкомъ средняго роста; лицо его, хотя и худощавое, но пріятное по правильности своего очертанія, легкому румянцу, разлитому по щекамъ; а сколько добра свѣтится въ голубыхъ глазахъ его! не много русые волосы головы рѣдки и коротки: обсыкаютъ они, вѣроятно, но нельзя и въ мысли допустить, чтобы о. Іоаннъ зани-

ался подстрижкою головныхъ волосъ; а что онъ изрѣдка причесываетъ ихъ и прямымъ рядомъ раздвояетъ ихъ,—это я самъ видѣлъ въ соборѣ. Борода у о. Іоанна тоже не длинная и въ срединѣ начинается пробиваться сѣдина: шестьдесятъ два года уже. Раса на о. Іоаннѣ приличная, но не щегольская. Походка у о. Іоанна, какъ уже не разъ приходилось писать, быстрая, порывистая, хотя, напр., во время великаго входа о св. Дарами о. Іоаннъ идетъ прямо, стройно, спокойно, твердою поступью, какъ будто каждый шагъ отсчитывая. Вотъ кажется и все, что можно сказать о внѣшности о. Іоанна.

Отслуживши еще одинъ молебенъ въ моей квартирѣ, о. Іоаннъ распростился съ нами и уѣхалъ въ Петербургъ.

Сегодня-же, до вечерни, я посѣтилъ „Домъ Трудолюбія“, гдѣ заходилъ въ школы и спальни для мальчиковъ и дѣвочекъ; былъ и въ столовой. Все устроено прекрасно и рады дѣти, когда я, указывая на большой портретъ батюшки „основателя“ сихъ заведеній, спросилъ: „кто это?... Гдѣ-то во дворѣ есть особое отдѣленіе для чернорабочихъ. Жалѣю, что не пришлось быть въ церкви: сторожа дома не было: а хороша, говорятъ, церковь.

Сегодня-же былъ и у секретаря о. Іоанна.

Въ военномъ мундирѣ онъ. Объяснялъ онъ мнѣ, что „вотъ сейчасъ меня подъ рукою до шести тысячъ писемъ; дни и ночи, не разгибая пинны, сижу, дѣлаю разборку имъ“... Разъ видѣлъ сего секретаря и въ соборѣ съ какимъ то докладомъ къ батюшкѣ, а батюшка, выслушавши его, говорилъ ему что-то и давалъ деньги для отсылки кому-то.

Еще новый и уже послѣдній день моего пребыванія въ Кронштадтѣ. И паки удостоилъ меня Господь милостей своихъ; въ третій и послѣдній разъ служилъ я литургію вмѣстѣ съ о. Іоанномъ...

Сей-же день отъѣзда изъ Кронштадта я ознаменовалъ для себя и тѣмъ, что отслужилъ панихиду на могилѣ матери о. Іоанна—Оеодоры (на общемъ кладбищѣ, подѣ часовней), тамъ-же помянулъ и отца его чтеца Ілію.

Я уѣзжаю изъ Кронштадта. О, какъ жалко-грустно мнѣ разстаться съ нимъ! Покидаю я уголокъ благословенный,—ѣду на страну далече, и буду снова объять суетой мірскою... О, да не погибну, Господи, въ волнахъ житейскаго моря,—утопающему-же въ нихъ, за молитвы досточтимаго пастыря о. Іоанна, простри и мнѣ, яко апостолу Петру, всесильную руку Твою! Какимъ я былъ и какимъ стану? О, если бы имѣлъ мнѣ хотя тысячную долю пастырской ревности о. Іоанна!

Остается теперь сдѣлать еще общія замѣчанія и общее заключеніе и тѣмъ закончить дневникъ свой.

При всемъ, повидимому, подробномъ описаніи внѣшней стороны общественной молитвы о. Іоанна, остается обширная область молитвы домашней, область, недостигаемая ничѣму наблюденію: какъ о. Іоанн молится дома—это величайшая для всѣхъ тайна! А она—молитва—возрастала тамъ, въ уединеніи...

Хотя дерзновенно, но не лишне коснуться здѣсь семейныхъ и служебныхъ отношеній о. Іоанна. Дѣтей у о. Іоанна не было и нѣтъ. Жена Елизавета теперь, за усердныя молитвы мужа, видитъ въ немъ особеннаго избранника Божія. Сослуживцы относятся къ о. Іоанну съ почтеніемъ и уваженіемъ не только какъ къ протоіерею и ключарю собора, но и особенно какъ къ крѣпкому молитвеннику.

Разсказывали мнѣ кронштадтцы: батюшка нашъ часто молится своей собратіи и сильно скорбитъ о нерадивыхъ пастыряхъ; разъ даже выразился: „если бы всѣ мы пастыри были бы какъ должно... то діаволу нечего было бы и дѣлать“.

Не удержусь при этомъ, чтобы не выписать сюда, въ свой дневникъ, нѣкоторые выраженія изъ дневника о. Іоанна.

„Священникъ ангель, не человѣкъ... Господи Іисусе! Священники Твои да облечутся въ правду, да помнятъ они всегда о высотѣ своего званія и да не запутываются они въ сѣтяхъ міра и діавола, да обѣжатъ отъ сердецъ ихъ печаль вѣка сего, лести богатства и прочихъ похотей, входящихъ въ ихъ сердце“, „Кто этотъ ангель, предстоящій престолу Господню? Ибо ангеламъ свойственно служить непрестанно Г

споду и предстоять престолу Его. Это ходатай о людяхъ, носящій образъ Ходатая, Богочеловѣка Иисуса Христа, это — одинъ изъ человѣковъ, поставленный на службу Богу, какъ говоритъ апостолъ Павелъ; но его служеніе ангельское. Онъ посредникъ между Богомъ и людьми, близкій другъ Его, по слову Господа: вы друзи есте, аще творите елика Азъ заповѣдаю вамъ: это какъ бы Богъ для людей со властію вязать и рѣшить грѣхи человѣковъ, священно-дѣйствовать для нихъ животворящія и страшныя тайны, обожаться ими и другихъ обожать чрезъ нихъ; это второй новозавѣтный Моисѣй, руководствующій сонмъ Божій по пустынь міра сего въ землю обѣтованную; это Ілія новозавѣтный, низводящій съ неба невещественный огонь Духа Святаго на подлежащіе Дары; это Іосифъ новозавѣтный, питающій братію свою хлѣбомъ небеснымъ во время духовнаго глада грѣховнаго. Высоко званіе священника!

Не послѣдствіе-ли такихъ молитвъ и молитвенныхъ размышленій о. Іоанна (а ихъ много и какъ прекрасны онѣ! см. книгу: „Моя жизнь во Христѣ“ и „Русскій Паломникъ“ съ 1891 г.) то обстоятельство, спрашивали меня Кронштадтцы, что съ каждымъ годомъ пріѣзжаетъ въ Кронштадтъ большее и большее число священниковъ?

Таковъ подобаетъ намъ іерею! Такимъ-то, или хотя подобнымъ, а не инымъ совѣмъ, и мнѣ іерею быть должно. А я-то, я... Охъ, Господи Иисусе Христе, пастыреначальниче мой! Страшно-страшно становитея за себя, когда сравнишь дивное пастырское усердіе о. Іоанна и свое холодное небреженіе!... Страшно становитея за себя! Не даромъ сказалъ нѣкогда св. Іоаннъ Златоустъ: „не мною многихъ быти во іереяхъ спасающихся, но множайшихъ погибающихъ“. Страшно слово сіе! Увы мнѣ!...

Слава Богу, что въ наше время Господь воздвигаетъ среди насъ грѣшныхъ такого подвижника какъ о. Іоаннъ.

„Познанъ буди и прочими людьми твоими тако, яко-же мнѣ явился еси, человѣколюбче!“ (231 стран. 1-го изданія книги о. Іоанна: „Моя жизнь во Христѣ“).

Буди, буди познанъ Господи: се есть истинный и вѣчный животъ всѣхъ людей Твоихъ.

2007056316